

РЕЦЕПЦИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО В ПОВЕСТИ Г.П.ДАНИЛЕВСКОГО «УМАНСКАЯ РЕЗНЯ (ПОСЛЕДНИЕ ЗАПОРОЖЦЫ)»

У статті розглядаються особливості рецепції національного в історичній повісті Г.П.Данилевського «Уманська різанина (Останні запорожці)». Українська ментальність у повісті досліджується у контексті концепції Р. Редфілда про численність «картин світу», що визначають національну ідентичність конкретного історичного суспільства. У статті аналізується авторська інтерпретація подій Коліївщини як зіткнення різних національних «картин світу» українського суспільства XVIII століття.

Ключові слова: національне, картина світу, хронотоп, хронотопічний мотив, внутрішня колонізація, колоніальна література.

The article deals with the reception specifics in the G.P. Danilevsky's national historical novel "Uman's Massacre (The last cossacks)". Ukrainian mentality in the novel is studied in the R. Redfield's context of a plurality of "world view" defining national identity of a particular historical society. The article analyzes the author's interpretation the Koliyivschyna's events as conflicts between the various national "world view" of the Ukrainian society of XVIII century.

Key words: national, world view, chronotopos, chronotopos' motive, historical fiction, internal colonization and colonial literature.

В статье рассматриваются особенности рецепции национального в исторической повести Г.П.Данилевского «Уманская резня (Последние запорожцы)». Украинская ментальность в повести исследуется в контексте концепции Р. Редфилда о множественности «картин мира» определяющих национальную идентичность конкретного исторического общества. В статье анализируется авторская интерпретация событий Коливищины как столкновения различных национальных «картин мира» украинского общества XVIII века.

Ключевые слова: национальное, картина мира, хронотоп, хронотопический мотив, внутренняя колонизация, колониальная литература.

Историческая судьба украинского этноса, вынужденная принадлежность украинских территорий к составу Русской империи привела к довольно сложной ситуации в литературном процессе второй половины XIX века. Появился целый ряд авторов, которые, работая в России – Украине, писали на русском языке и разрабатывали украинскую тематику, но остались невостребованными ни украинской литературе, ни русской. И если Н. В. Гоголь, В. Короленко, а в последнее время В. Т. Нарезный и О. Сомов [18] были одновременно привлечены к литературной традиции, то изучение произведений Г. П. Данилевского и их оценка остается актуальной. Значительный объем творчества Г.П. Данилевского требует внимания ко всем аспектам его таланта: писателя, историка, фольклориста, этнографа, публициста, и литературного критика. Актуальность освещения творчества Г.П. Данилевского обусловленная недостаточным вниманием украинской науки к этому вопросу. В украинской и русской литературной критике в советских времена она освещалась фрагментарно в работах Свясова, Кимовой, Мещерякова, Виленкиной, которые в первую очередь, акцентировали внимание на аспектах проблематики исторических романов автора, определенных биографических изысканиях автора и литературной полемике вокруг него.

Повесть «Уманская резня. (Последние запорожцы)» была написана Г.П.Данилевским в 1889 году, за год до смерти автора [20]. До начала 90-х годов XX века повесть Григория Петровича Данилевского не становилась объектом серьезного изучения. Только в последнее десятилетие произведение анализировалось в контексте литературы о гайдамаччине в работе Ф.Ф. Кейды [13], и рассматривалось как историческая повесть об Украине, в рамках монографии о русском историческом романе XIX века [26]. Вопрос о рецепции национального в повести на достаточно глубоком уровне не рассматривался, этот пробел и призвана заполнить данная статья.

Девятнадцатый век – эпоха империй, с середины этого столетия активно расширяются владения Великобритании, Франции, Бельгии, Германии, достигают своих максимальных границ Российская империя и США. Этот процесс находит отражение в имперских культурах и, в частности, «колониальной литературе» [23]. Любая колониальная литература активно пытается наполнить «своим» смыслом «чужую» реальность колониальной жизни. Эта литературная традиция оправдывает и доказывает естественность и закономерность «своего» присутствия. В то же время, колониальная литература изменяет дистанцию между «своим» и «чужим». Такая литература проистекает от колониальной власти и определяет её [28]. Процесс манипуляции дистанцией между «своим» и «чужим» выполняют отечественные интеллектуалы. Этот процесс выражается в этнографических изысканиях, и сборе

фольклора, географических описаниях и художественных зарисовках «чужого» мира, но прежде всего во введении «чужих» в контекст национальной литературы. В этом процессе оказываются задействованными как лояльные власти культуртрегеры, такие как И.Гончаров, ставший официальным летописцем русской дипломатической экспедиции, так и протестные мастера культуры, несогласные с государственной политикой. Радикально настроенный к самодержавию поэт – К.Рылеев служил в Русско-Американской компании, А.С.Пушкин состоял при колониальном управлении на юге России, а участник антиправительственного Кирилло-Мефодиевского братства – Т.Г. Шевченко принимает участие в экспедиции по исследованию Аральского моря, в качестве штатного художника.

В силу различия геополитических тенденций процесс колонизации в различных империях проходит неодинаково. Если в Великобритании, Франции, Бельгии, Германии, колонизация происходит как внешняя, заморская, то Российская империя и США развиваются по иной геополитической модели «естественных приращений» [21]. Существующая разница в геополитических моделях не могла не вызвать принципиальных различий и в культурных процессах империй [28]. Российскому типу имперской литературы свойственны два типа «колониальной литературы». Для нее характерна и литература классического колониального «ориентализма» [23], представленная такими текстами как, «Герой нашего времени», «Дерсу Узала» Арсеньева, «Фрегат «Паллада», но не менее популярной является и литература «внутренней колонизации» [28]. Её образцами являются: «Путешествие из Петербурга в Москву» А.Радищева, «Капитанская дочка» А.Пушкина, «Мертвые души» Н.В. Гоголя, «Кому на Руси жить хорошо» А.Некрасова, «Сахалин» А.П.Чехова. В русском варианте литературы «внутренней колонизации» авторы не пишут о географических окраинах, экзотических территориях и островах, а сообщают, рассказывают о внутренней неизвестной империи, связанной с неофициальной культурой. Литераторы, открывая читателю различные типы внутренней имперской культуры: крестьянскую, украинскую, раскольничью; тем самым изменяют духовную, мировоззренческую, культурную дистанцию между существующей центральной, официальной культурной традицией и «чужой» для неё – внутренней [28]. Александр Эткинд – представитель антропологической теории в русской культурной традиции утверждает: «В силу самореференциальности внутренней колонизации оппозиция государства и народа эффективно замещала оппозицию Запада и Востока. Представители государства и представители народа изображались литературой XIX века как люди принципиально разной природы — или, точнее, культуры. «Столкновение двух персонажей, Человека из Народа и Носителя Власти и Культуры, было метанарративом многих классических текстов, которые драматизировали ситуацию внутренней колонизации, характерной для русского романа XIX века» [28].

Григорий Петрович Данилевский в большей степени известен как автор исторической прозы, не очень соотносимой с литературой «внутренней колонизации», является в действительности, активным проводником этого феномена в русской литературной традиции. В середине пятидесятых годов он совершает три поездки по Украине, выполняя задания министерства народного просвещения, собирает и описывает старинные рукописи и морского министерства, «изучая быт прибрежных жителей России» [24]. Посредованными результатами этих командировок становится написание первых романов и очерков («Воля», «Беглые в Новороссии», «Беглые возвращаются», «Чумаки»), в которых Г.П.Данилевский решает проблему «изменения дистанции» между существующей официальной «картиной мира» и культурной традицией населения бывших запорожских земель [19].

В повести «Уманская резня. (Последние запорожцы)», написанной в конце 80-х годов XIX века, автор обращается к двум трагическим темам истории Украины XVIII века: событиям Колиивщины и ликвидации Запорожской Сечи [4]. Для русской литературы второй половины XIX века, в эпоху относительной либерализации цензуры, обращение к русской и украинской истории XVIII века, наполненной неоднозначными трагическими фактами, становится модой [26]. Созданием повести «Уманская резня. (Последние запорожцы)» Г.П.Данилевский продолжает процесс мифологизации в литературе Колиивщины - самого трагического и неоднозначного события украинской истории Нового времени. Начало этому процессу было положено многочисленными фольклорными произведениями еще во второй половине XVIII века. Это народно-эпическое влияние фольклора на литературу сохранялось на протяжении всего XIX века [13]. Уже с 30-х годов начинают появляться исторические труды по истории Колиивщины, и первые литературные произведения. В конце тридцатых годов были написаны «Гайдамаки» Марко Вовчок, драма Н.Костомарова «Савва Чалый» (1838), рассказы «Мартин Гак» и «Сичевые гости» П.Кулиша, а позже поэма - «Гайдамаки» Т.Г. Шевченко. Устойчивый интерес к этой теме продолжает сохраняться до конца века, как в русской, так и украинской литературе [13].

Обращаясь к событиям столетней давности на Украине, Данилевский пытается раскрыть всю сложность взаимоотношений в украинском обществе, которое предстает противостоянием различных мировоззрений и культурных традиций и внешних влияний на него имперской российской власти и польской короны. Авторская точка зрения в повести близка концепции психологической антропологии Р. Редфильда. Он утверждал, что в обществе отсутствует единая общенациональная «картина мира», а в одной культуре сосуществует несколько культурных традиций: в частности, «малая традиция»

деревенской общины и «большая» – официальной культуры. Соответственно и традиции («картины мира») различных общин — различны [28].

В повести «Последние запорожцы» Г.П.Данилевский отражает взаимодействие различных «картин мира», оказавших влияние на развитие украинского общества, в контексте исторической перспективы XVIII века относительно дискурса гайдаматчины. Интерпретируя украинское прошлое, Г.П.Данилевский отображает события и героев крайне отстраненно, пытаясь не навязывать собственной точки зрения, стараясь быть объективным. Автор дает понять, что нет «одной правды» народа. Но сам сюжет, поступки, эмоциональные состояния героев, заставляют видеть причины Колиивщины в трагическом расколе, противостоянии различных уровней национальной ментальности, которая, как и национальный характер, определяются некоторым набором «картин мира» [12]. Конфликт повести заключается в невозможности гармоничного сосуществования «сиромых» и старшины, православного крестьянства и казачества, централизованного, регламентирующего имперства Петербурга и анархической свободы Низа.

Представления о национальном в повести «Уманская резня» исчерпываются двумя культурными традициями – «картинами мира», представленными в украинском обществе XVIII века, и испытующими влияние со стороны «чужих» (поляков и русских) [25]. Это «картина мира» Человека из Народа или «малая традиция» и «картина мира» Человека Власти.

«Картины мира» формируются с помощью ряда хронотопов, и именно при помощи их образуется оригинальный сюжет художественного произведения [2]. Сюжет повести «Уманская резня» определяется набором следующих хронотопов: хронотопом дороги, хронотопом встречи, идиллическим хронотопом. Их соседство становится возможным благодаря использованию нелинейности повествования, хронологическим скачкам и многочисленным ретроспекциям. Важнейшую роль в формировании «малой традиции» играет в повести идиллический хронотоп. Он характеризуется особым «отношением времени к пространству», а именно «органической прикрепленностью» изображаемой жизни к «родной стране со всеми ее уголками» [2]. События повести, разворачиваются на территории Украины: в Сечи, в монастыре под Киевом, в Умани и ее окрестностях, и зимовнике Барвенкова Стенка. Единство сюжета обеспечивается более всего единством места, которое ослабляет или снимает всякие различия во времени. «Единство места сближает и сливает колыбель и могилу» [2].

«Малую традицию» представляет протагонист – Аким Шпак и его товарищи – казацкие «молодыки» (Дорош Недоля, Аминадав Односум). Повествование открывается событиями второй половины 1767 года, когда протагонист - Аким Шпак и его товарищи сталкивается с Калнышевским, и проявляются противоречия во взглядах на справедливость представителей противоположных «картин мира». Далее автор, используя прием ретроспекции, создает идиллический хронотоп, моделирующий традиционные представления о судьбе Человека из Народа. Им является протагонист – реально существовавший частный человек – запорожец Аким Шпак. Из исторических документов известно, что Шпак – один из старожиллов Барвенково, хотя ничего и не упоминается о его судьбе [11]. Данилевский использует скрытость истории жизни персонажа, домысливая ее в соответствии с собственными замыслами. В то же время, моделируя данный персонаж, автор моделирует «картину мира» Человека из Народа. Значимое место в ней занимают воспоминания о своем сиротском детстве, где центральную роль играет украинский пейзаж. Элементами этого пейзажа становятся: казачий выселок с огородами, кладбище, верба, белая, под соломой мазанка в зелени церковного сада, скворцы. Акима нашли на кладбище под дуплистой вербой. Младенец между могильных крестов под развесистой вербой – украинский универсум, где верба является реализацией архетипа мирового дерева в круговороте смертей (могильные кресты) и рождений – (младенец Аким). В таком контексте Аким - воплощение Человека. Герой носит имя Отца Богоматери, он богоприимец, и в библейской традиции значение его имени – терпеливость. Шпак – сирота, выкормыш, как и скворцы, взятые из гнезда священником. То, что Акима находят под старой вербой, как и то, что это происходит на кладбище, является зловещим символом, определяющим дальнейшие страдания героя. Старая верба ассоциируется со смертью и нечистой силой («закохався, як чорт у стару вербу») [22]. Отсутствие в этом ряду матери лишает протагониста помощи, благословения, естественной поддержки родной земли. Эту кровную связь заменяет православная вера в лице «попа Зосимы», который выслеживал, ловил и разводил в клетках перепелов, удонов, скворцов, дроздов. Как отец Зосима берет из гнезда скворчат, так он подобрал и младенца; так Церковь, не отказывая в призрении разным душам, выступает милосердным началом в традиционном сознании украинца. После смерти попа, Аким попадает на воспитание к жестокому кузнецу-пьянице, что созвучно традиционному эпическому мотиву воспитание-службы (воспитание Кухулина у кузнеца Кулана, Зигфрид – воспитанник кузнеца Мимира). Это испытание, инициация, закалка, которая и делает Акима бойцом и воином, и сближает образ казака с эпическими героями прошлого. В то же время образ кузнеца становится в оппозицию к образу отца Зосимы, как воплощение темного начала, связанного с адским огнем кузницы. В украинской мифологии кузнец знается с колдовством и сверхъестественными злыми силами [22]. Результатом вмешательства темных сил становится дальнейшее участие Шпака в

Гайдаматчине, Колиивщине, казацких походах – действиях, связанных с насилием. Аким Шпак в повести Г.П.Данилевского – Человек из Народа, вовлеченный помимо воли в сложный социально-политический конфликт (конфликт против Людей Власти), и страдающий от того, что нет возможности ни уклониться от него, ни позитивно изменить действительность.

«Картину мира» Человека из Народа дополняют образы боевых товарищей Акима. Они - персонажи вымышленные: Дорош Недоля, Харитина, Аминадав Односум. Они имеют «говорящие» имена, которые несут дополнительную смысловую нагрузку, определяют и поясняют судьбы их носителей. В основном это книжные имена библейского происхождения. Друг Акима - Дорош (Дорофей) «дар божий» действительно спасительный дар для измученного героя. Но он же Недоля - несчастливый (невезучий) – надолго сгинул в одном из походов. Аминадав – редкое ветхозаветное имя одного из предков Христа, что указывает на происхождение из семьи священника и ученость, и намекает на казнь героя, как и Иисуса. Односум это прозвище Аминадава, является термином, обозначающим казачьего товарища во время боевого похода, то есть побратима у запорожцев. Таким Односум и является на протяжении всей повести для Акима. Имя жены Шпака – Харитина, что значит - благодатная, дающая добро и спасение, это имя христианской мученицы. Действительно, вначале она спасает от ярости гайдамаков дочь уманского губернатора - Веронику Младанович, а после разгрома и пленения восставших, Харитина спасает от плахи самого Шпака. Но она и мученица – страдалница, как все украинские женщины. Ей долгие годы пришлось служить у губернатора Умани Младановича, а после, пережив ужасы уманской резни, годы скитаний, вдовства и ожиданий Акима, Харитина обречена на жизнь на чужбине. Эта героиня является воплощением представлений о женской доле, сложившихся в рамках украинской «малой традиции». Представления о должном миропорядке этих персонажей отражают мировоззрение масс запорожских «сиромах». Их картину мира составляют представления об автономности личности, необходимости самовыражения, уважении, гуманности и милосердии к окружающим, свободе веры, «сродности».

К окончанию повести идиллический хронотоп разрушается: «Дикое Поле также широко и роскошно, только воля на нем стала бродить из угла в угол, как гонимая скорбная вдова» [10]. Процесс разрушения идиллического хронотопа осуществляется с использованием хронотопических мотивов встречи и дороги. После разгрома Сечи Акиму удается спастись и переселиться в зимовник Барвенкова Стенка, где автор отмечает немислимое богатство земель и их плодородие. Но если в начале повести «дальний зимовник» – убежище для молодого Акима, то теперь это место на проезжей дороге, где и происходит роковая встреча с Людьми власти, заставляющая героев покинуть Родину.

Наряду с идиллическим хронотопом важную роль в формировании сюжета повести играет хронотоп дороги, которая ведет героя «по своей родной стране, а не в экзотическом чужом мире», благодаря чему «раскрывается и показывается социально-историческое многообразие этой родной страны» [2]. Также необходимым в сюжете повести представляется присутствие хронотопического мотива встречи. Этот мотив, фиксированный, и ориентирован на ключевые моменты украинской истории XVIII века. Основной сюжет повести разворачивается параллельно (одновременно) в двух локусах летом 1768 года: в польской Умани и в лагере Железняк, разоряющего польское Правобережье. Другим ключевым моментом становится принятие решения о ликвидации Запорожской Сечи в 1774 году и сама ликвидация Коша в 1775 [7].

В дороге происходят как случайные, так и вполне осознанные, ожидаемые встречи. Дорога сводит представителей одной «культурной традиции» (Аким, Дорош и Аминадав встречаются в киевской бурсе, Аким и Харитина на Подоле, Аким и Железняк около Лебединского монастыря, Железняк и Гонта в Соколовце), и тогда их эмоции, мысли и поступки дополняют «картину мира» Человека из Народа. Так как, Человек «малой традиции» в повести противопоставлен Человеку Власти и Культуры, то по определению, они живут в разных средах, но их сводит должность либо случай, но чаще всего дорога. В дороге происходят и встречи героев из противоположных «картин мира» (Аким и Калнышевский в Коше, гайдамаки и поляки в Умани, запорожцы и Потемкин, Панин, царица Екатерина в Петербурге). Такого рода встречи уточняют позиции культурных традиций каждого из носителей, и собственно (встреча) Людей из Народа и Людей Власти, столкновение их взглядов на мир и составляет сущность конфликта повести, определяет как дальнейшую судьбу героев, так и дальнейший ход украинской истории.

Люди Власти – «большая традиция» в повести представлена в большинстве случаев образами действительно живших исторических личностей [7]. «Картина мира» Людей Власти определяется понятиями о добре как о достижении собственных интересов, карьерном росте, приумножении богатств. Власть и удовлетворение тщеславных амбиций, необоснованное чувство превосходства по статусному критерию, эгоизм, алчность, двойной стандарт, лицемерие, собственничество доминируют в ценностных установках Людей Власти в повести Г.П. Данилевского.

Их изображение в целом совпадает с документальными историческими свидетельствами...» [14]. Но эта «картина мира» дробится на несколько меньших: украинскую, российскую, польскую. Эти

частные «картины мира» представлены Людьюми Властью (Калнышевский, Вяземский, Екатерина Великая) различных национальных традиций. Украинская включает персоналии Калнышевского, Глобы, Головатого, Худобая. «Чужую» - российскую представляют Екатерина Вторая, Панин, Вяземский, Потемкин, Кречетников, Текели, Безбородько. Изображая разницу в национальных «картинах мира», автор приводит читателя к пониманию, кто является виновником несправедливости: «Сами старшины виноваты! Не к добру, что ни год, они ездят в столицы!..». Запорожцы обвиняют «старшин» в алчности: «рассылает повестки, требует, чтобы запорожцы-молодцы пахали землю, сеяли жито», и продажности «чужим». Данилевский утверждает это репликами «козацкой голытьбы»: «Не по правде, хлопцы, живет наше панство...нечистые злодеяки, московские кормленные псы..» [10]. Сребролюбие и продажность запорожских вождей подчеркивается деталями, в частности, описанием одежды Калнышевского: «на кошевом был бархатный, жалованный из Петербурга, красный с вылетами кафтан и золотой пояс».

Российская имперская «картина мира» заявляется официальной позицией «Манифеста Императрицы Екатерины 1775»: «Нет более Сечи Запорожской в ее политическом уродстве. А будет место и жилище постоянных и отечеству и, наравне с другими, полезных жителей» вынесенной в эпиграф повести. По ходу сюжета, отношение «чужих» к Украине, Запорожской Сечи и казакам, т.е. Людям из Народа, конкретизируется взглядами российских вельмож (П.Панин, А.Вяземский, Г.Потемкин) и офицеров (Кречетников, Текели). Земли и народ Украины Люди Власть рассматривают как естественных подданных, главный долг которых, безропотное подчинение, а их «картина мира» оценивается как примитивная и неистинная, а следовательно, обреченная на ликвидацию [10]. Этой цели, по мнению автора, способствует политика Петербурга, направленная на заселение сербами исконных запорожских земель. Особый интерес представляет собой изображение в повести Г.Потемкина и кабинетного секретаря, а впоследствии фаворита Екатерины Александра Андреевича Безбородько. Автор изображает Г.Потемкина как Человека Власть российской официальной «картины мира», несмотря на его украинское этническое происхождение. Он давно отказался от национальной культурной традиции в пользу «чужой», а все его заигрывания с запорожцами, прием в Кош под именем Грыцька Нечесы, воспринимается автором как политическая игра и потакание властным амбициям. Для Данилевского он однозначно Человек российской Власть. Тогда как «хохлик» – Александр Андреевич Безбородько, еще в процессе перехода (предательства) от «малой национальной традиции» к «большой традиции» «чужих», хотя с первой его связывает только чувство обиды на неблагодарность имперских властей и Потемкина к заслугам запорожских казаков. Изображая этих исторических деятелей, автор проводит мысль о невозможности перехода в чужую культурную традицию власти без потери национальной идентичности.

Пристальное внимание Данилевский уделяет предводителям Колиивщины – Гонте и Железняку. Авторское видение расходуется со сложившейся литературной традицией (П. Морачевский «Чумаки, або Україна з 1768 року», Шевченко «Гайдамаки») [13], [1]. Гонта и Железняк представлены в авторских характеристиках, диалогах персонажей, либо со слов поляков. Поляки невысоко оценивают уманского сотника: «Гонта с виду прост, тих и даже будто дураковат; ходит в сермяге и полой утирает нос» [10]. Железняк также дает Гонте нелестную оценку: «Вот, прости Боже, дурень...» [10]. Гонта, по мнению Данилевского, «хитрый «нобилитованный» титулом шляхтича и панским хутором, недавний крепостной холоп графа Потоцкого намеревался... выторговать себе и своей старшине некие выгоды» [10]. Собственно Железняк сулит ему «титло русского воеводы», что и решает переход уманского сотника на сторону гайдамаков. Данилевский два раза повторяет обидную характеристику Гонты – «нобилитованный холоп», чем утверждает рабскую натуру Гонты и предательство облагодетельствовавшего его графа Потоцкого. То есть, Иван Гонта – Человек из Народа, стремящийся стать Человеком Власть. Мотивами этого действия становятся: тщеславие стремление к власти, корысть. При этом автор отдает должное мужеству и силе духа Гонты, традиционно их высоко оценивая, но уманский сотник у Данилевского нигде не возвышается ни до борца за независимость [16], ни до трагического героя шевченковских «Гайдамаков» [27].

Что касается Железняка - вождя Колиивщины, то Данилевского он интересует гораздо больше, чем Гонта. Железняк Данилевского претендует на большее, чем предводитель гайдамаков, разграбивших польское Правобережье. Он мечтает: «да я-ж буду украинским гетманом, как, навеки блаженной и присной памяти, наш батько Богдан Хмельницкий» [10]. Автор следует сложившейся в XIX веке литературно-исторической традиции, в рамках которой утверждалось существование «золотой грамоты», благословлявшей на истребление ляхов и евреев» [10]. Её автором называется Монах Мельхиседек Значко-Явороский Мотронинского монастыря, который «из ненависти к униатству побуждает восстать против старост и самой польской короны» [10]. Именно ему верит Железняк: «Золотая грамота игумена окончательна смугила и взволновала порывистую беспокойную душу Максима. Его сердце сильно забилось. В крепкой думе живьем воскрес огненный образ Богдана Хмельницкого» [10]. Желание быть спасителем веры и вождем украинского народа, заставляет его решиться на кровавый рейд, по Правобережной польской Украине, призывая крестьян: «бейте, братцы, режьте недоверков! Будете в раю...». Бунт этот закончился кровавой резней в Умани. Мотивы Железняка морально выше – вера и

возрождение государственности, но и они не оправдывают бессмысленной жестокости в Умани.

Правомерно утверждать, что Гонга и Железняк в повести – два варианта Человека из Народа, который, руководствуясь разными мотивами, неудачно пытается стать Человеком Власти. То есть, по мнению автора, пути насилия в украинском мировосприятии тупиковые и саморазрушительные, ведущие к национальной и личной катастрофе.

Существование национальных украинских «картин мира» невозможно без представлений о «чужих», в повести – поляках, евреях, сербах, русских. Чуждость первых двух, определяется, прежде всего, негативным отношением к исконным православным обычаям и вере. Они: «разоряют храмы, разгоняют похороны и свадьбы, ломают церковную утварь». «Мельхиседек из ненависти к униатству побуждает восстать против старост и самой польской короны» [10]. Негативная оценка и отношение к полякам усиливается перечислением расхожих мифов о жестокости поляков к украинцам [10]. На них и выплескивается ярость и ненависть Человека из Народа: «Каты по-катски примут и расплату за свои дела». Все позволяет расправляться с ляхами незаконно, о чем говорит, завидуя Аминадаву, Шпак: «ты успел уже помочить саблю в крови недоверков, сажал на копье их детей и волочил конем по полю их баб».

Поляки в повести – исключительно шляхта и духовенство – «надменные паны» «надутые продажные магнаты». Наиболее цельные из них: губернатор Умани Младонович – приверженец дедовских обычаев, Рудольф Витковский – галломан, жених Фелиции, петиметр, инженер Шафранский, улан Ленарт, Ванда – «верховодница», униат – отец Клеофас. Они спесивы и хвастливы: «А все-таки мы не боимся хлопов и вот как их проучим!.. пусть галганы идут под нашу картечь!» Выясняя причины уманской трагедии, автор не ограничивается двумя противостоящими «картинами мира»: большой и малой. Их дополняет «картина мира» «чужих» – поляков, включающая мнения, оценки и отношения поляков к украинцам. Доминирующими эмоциями по отношению к украинцам являются презрение, недоверие («волк и волчке думает»), недооценка нравственных качеств украинцев («пьяные грубияны» «пьяные хамы»), культурных традиций («безпорочная чернь», «Кто составляет эту пьяную голь? Все ленивое, глупое безнравственное») и военных способностей («запорожская сволочь», «запорожские свинопасы»). Поляки расценивают Колиивщину как «вечную историю восстания низших против высших. А вся их глупая вера – либо ересь, либо внешнее бессмысленное богомольство. Запорожцы грабят польские церкви, разоряют наши кладбища, выбрасывают из могил мертвых и носят, издеваясь, одежды покойников» [10]. Данилевский стремится к объективности в оценке настроений поляков. Губернатор Умани Младонович называет причинами предстоящей катастрофы «порчу наших старых обычаев» и то, что «униатские попы, что с попами схизматиков на ножах – за приходы и сборы с мирян». Представляет интерес и оценка жизни и нравов Речи Посполитой (украинской ее части) представителями разных слоев шляхты. Губернатор Умани Младонович говорит о распущенности как администрации, так и нравов современной Польши: «не столько скорблю о смутной бунтовской поре, как о генеральном повреждении и падении нравов» [10], «жаль нашей польской гибнущей чести и славы» [10]. Таким образом, авторский взгляд на взаимодействие украинской и польской культурных традиций как на доминанту и неприятие «чужой (польской) большой традицией» принципов украинского Человека из Народа, что и способствует непоправимой уманской катастрофе.

Г.П. Данилевский, интерпретируя события Колиивщины, приходит к выводу, что противостояние в украинском духовном пространстве XVIII века различных «картин мира», как собственно национальных, так и «чужих» приводит к тотальному противостоянию двух персонажей, Человека из Народа и Носителя Власти, дальнейшей кровавой катастрофе уманской резни и ликвидации Запорожской Сечи. «Дикое Поле отозвалось на стон угнетенных единоверцев, и надолго о том осталась кровавая память в смежных польских окраинах». «Испугались ваши деды у заволжских да донских казаков-раскольников появления Разина и Пугачёва, и сохранили это самое войско доньне, а ради случая разгромили верных и православных своих охранителей, запорожцев, куда ни Разин, ни Пугачёв и носа не показывали» [10].

ЛИТЕРАТУРА

1. Антонович В. Б. Моя сповідь: Вибрані історичні та публіцистичні твори / Упор. О. Тодійчук, В. Ульяновський. Вст. ст. та коментарі В. Ульяновського. — К.: Либідь, 1995. — 816 с. («Пам'ятки історичної думки України»). Режим доступа: <http://litopys.org.ua/anton/ant13.htm>
2. Бахтин М.М. Формы времени и хронотопа в романе. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет//Михаил Михайлович Бахтин. – М.: «Художественная литература», 1975. – 504, [373-407] с.
3. Вальнюк Б.І. Поетика історичної романістики Богдана Лепкого: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол.наук : спец. 05.02.08 „Українська література ” /Б. І. Вальнюк . — Івано-Франківськ, 1998. — 18, [5] с.
4. Венгеров С.А. Данилевский Г.П. Большой Энциклопедический словарь, изд. Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, [в 82т.] / Семен Венгеров. - СПб., 1890—1907 гг.. - Т.10 (19) – 1893, - 480с.
5. Виленская Э. Г.П. Данилевский // Данилевский Г. П. Сожженная Москва/ Э. Виленская //— М., 1960.— С. 231-237.

6. Гоголь Н.В. Вий. Миргород (Собрание сочинений: в 6-ти т.) / Николай Васильевич Гоголь. – М.: ГиХЛ, 1959. – . – Т.2. – 351с.
7. Голобуцький В. О. Запорізька Січ в останні часи свого існування (1734-1775pp.) // В. О. Голобуцький. – Дніпропетровськ: Січ, 2004. – 421, [323-329] с.
8. Данилевский Г. П. Предисловие к 6-му изданию (от автора) (Сочинения: в 9-ти т.) / Григорий Петрович Данилевский. – С.-Петербург: Издание А.Ф.Маркса, 1890. – Т.1. – 1890.- 208с.
9. Данилевский Г. П. Примечания к роману «Мирович» (Сочинения: в 24-х т.) / Григорий Петрович Данилевский. – С.-Петербург: Издание А.Ф.Маркса, 1901. – Т.11. – 1901.- 137, [129] с.
10. Данилевский Г. П. Уманская резня. (Последние запорожцы). (1768–1775 г.) Историческая повесть (Сочинения: в 24-х т.) / Григорий Петрович Данилевский. – С.-Петербург: Издание А.Ф.Маркса, 1901. – Т.12. – 1901.- 203, [112-201] с.
11. Зеленый Н. В. Город Барвенково. История// Николай Зеленый. Режим доступа: <http://barvincom.com.ua/history2.htm>
12. И.И. Иванова. Национальная ментальность и национальная философия. Кантовские чтения в КРСУ (22 апреля 2004 г.); Общечеловеческое и национальное в философии: II международная научно-практическая конференция КРСУ (27-28 мая 2004 г.). Материалы выступлений / Под общ.ред. И.И. Ивановой. — Бишкек, 2004. — С.285-298. Режим доступа: http://anthropology.ru/ru/texts/ivanova_ii/commnat02_26.html
13. Кейда Ф.Ф. Художня інтерпретація гайдамачини в українській літературі XIX - XX століть: автореф. дис. д-ра філол. наук: 10.01.01«Українська література» / Кейда Ф.Ф. - Київ. нац. ун-т ім. Т.Шевченка, 2001. — 36 с.
14. Костомаров Н. Материалы для истории Коливищины или резни 1768 г. // Николай Костомаров// Киевская старина. – 1882. - № 3. Режим доступа: <http://www.vostlit.narod.ru/Texts/Dokumenty/Ukraine/XVIII/1760-1780/Kolivsina/Dok1/text.htm>
15. Малкина В.Я. Поэтика исторического романа. Проблема инварианта и типология жанра: на материале русской литературы XIX - начала XX века: автореф. дис. на соис. науч. степени канд. фил. наук. 10.01.01 «Русская литература» / Виктория Яковлевна Малкина. - М., 2001. - 19, [6] с.
16. Мірчук П. Коліївщина.Гайдамацьке повстання 1768 р.// Петро Мірчук. Режим доступа:<http://exlibris.uaweb.org/hajdamaky/index.html>
17. Мордовцев Д.Л. Гайдамачина. Исторична монографія / Данило Мордовцев. – Дніпропетровськ : «Січ», 2004. – 359 с.
18. Петрунина Н. Орест Сомов и его проза / Наталья Петрунина. – 1984. Режим доступа:http://az.lib.ru/s/somow_o_m/text_0220.shtml
19. Половцев А.А. Данилевский Г.П. Русский биографический словарь в 25 т. / под ред. А. А. Половцова. - СПб.: Изд. Русского исторического общества 1896—1918, Т.8. – 1898. - 870с.
20. Романова Т.В. Данилевский Г.П. Русские писатели 1800-1917. Биографический словарь / [гл. редактор П. А. Николаев]. - М.: "Просвещение", 1990. - . – (Серия биогр. словарей: Русские писатели. 11-20вв.). Т. 2, - 654с.
21. Рудич Ф.М. Політологія: Підручник / Фелікс Михайлович Рудич. – К.: Либідь. 2004. – 480с.
22. 100 найвідоміших образів української міфології / [Завадська В.,Музиченко Я., Таланчук О., Шапак О.]. наук. ред. Олена Таланчук. –К.: Орфей, 2002. – (100 найвідоміших). – 448, [ ] с.
23. Томпсон Єва М. Трубадури імперії. Російська література і колоніалізм/ Єва М. Томпсон [пер. з англ. М. Корчинської]. – К.: Вид-во Соломії Павличко «Основи»,2006. – 368, [71] с.
24. Трубачев С. Данилевский Г.П. Биографический очерк [Сочинения: в 24-х т.] / Григорий Петрович Данилевский. – С.-Петербург: Издание А.Ф.Маркса, 1901. – Т.1. 1901. - 132, [71] с.
25. Чужое: опыты преодоления. Очерки из истории культуры Средиземноморья. [Гл. ред. серии Ш.М.Шукуров]. – М.: Алетея, 1999. – 384с, [10-14] с.
26. Шерман О.М. Художня специфіка російського історичного роману другої половини XIX століття і проблеми розвитку жанру: дис. канд. філол. наук: 10.01.02 «Російська література»/ Шерман Олена Михайлівна. – Львів, 1999. – 194с.
27. Шевченко Т.Г. Гайдамаки//Тарас Григорович Шевченко. – К., 1967. – 171с.
28. Эткинд А. Русская литература, XIX век: Роман внутренней колонизации // Александр Эткинд «НЛО» 2003, №59. Режим доступа:<http://magazines.russ.ru/nlo/2003/59/etk.html>

Соломія БУК

ІНТЕРПРЕТАЦІЯ ЛЕКСИКИ ОСТАНЬОГО РОМАНУ ІВАНА ФРАНКА “ВЕЛИКИЙ ШУМ” У КІЛЬКІСНО-СТАТИСТИЧНОМУ АСПЕКТІ

На підставі частотного словника роману І.Франка “Великий шум”, укладеного за методикою комплексного квантитативного опису творів письменника, отримано важливі статистичні характеристики тексту, такі як його обсяг, кількість різних словоформ та слів, індекс різноманітності (багатство словника), середня повторюваність слова в тексті, кількість нарах legomena, індекс винятковості у тексті та у словнику, індекс концентрації, співвідношення між рангом слова та величиною покриття тексту. Текст проаналізовано за